

The background of the entire cover is a complex, abstract relief sculpture in a metallic, bronze-like material. The surface is covered in numerous sharp, intersecting lines and grooves, creating a sense of depth and texture. Some areas appear more polished, reflecting light, while others are more recessed and shadowed. The overall effect is one of organic, almost chaotic, form, reminiscent of ancient metalwork or a modernist sculpture.

Борис Алексеев

ЕГОРУШКА ДА ФЁДОР

Преображенские рассказы
для семейного чтения

Борис Алексеев

**Егорушка да Фёдор.
Преображенские рассказы
для семейного чтения**

«Издательские решения»

Алексеев Б.

Егорушка да Фёдор. Преображенские рассказы для семейного чтения / Б. Алексеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838548-3

Мудрейший Эдуард Лантери говорил: «Тот, кто открыл себя рано — счастливец, у него есть шанс стать великим художником». А как быть тому, кто обнаружил себя поздно, растратив на поиски предназначения бесценное время и силы? Об одном из таких «поздних счастливцев» написана почти вся эта книга.

ISBN 978-5-44-838548-3

© Алексеев Б.
© Издательские решения

Содержание

Егорова лестница	6
Вступление. Да здравствует лягушка!	6
Часть 1. Судьба или шутка судьбы?	7
Часть 2. Иди и не возвращайся!	10
Часть 3. Ложь во спасение?	11
Часть 4. Новые времена, кто Вы?	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Егорушка да Фёдор Преображенские рассказы для семейного чтения

Борис Алексеев

Авторская фотография Борис Алексеев

На обложке воспроизведён фрагмент скульптурного рельефа «Преображение Господне».

Автор рельефа Марина Алексеева

© Борис Алексеев, 2017

ISBN 978-5-4483-8548-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Егорова лестница Не автобиографическая повесть

Вступление. Да здравствует лягушка!

Когда наши житейские устои сотрясают внезапные перемены, мы, осмысливая случившееся, припоминаем основной закон философии «Закон перехода количества в качество».

Животному проще. «Безмозглый» представитель фауны не ставит под сомнение обязательную для каждого био-организма врождённую способность к предвидению.

Инстинкт самосохранения заставляет лягушку вытапывать в банке молоко, пока не образуется спасительное масло. А человек? Будет ли он совершать бессмысленные на вид действия, полагаясь на непроверенный инстинкт подсознания?

Вряд ли.

Вы усмехнётесь: «А если в банке простая вода, что тогда станет с лягушкой?»

Не знаю. Но утверждать: «Утонет!» – не буду.

Часть 1. Судьба или шутка судьбы?

Курчатовский институт, или попросту «Курчатник», в 70-ые годы прошлого века разительно отличался от многих подобных секретных заведений явной демократичностью внутреннего распорядка. Основатель института, один из «отцов» советской атомной бомбы, Игорь Васильевич Курчатов ввёл правило свободного начала и окончания работы. Он приветствовал, если физики после обеда часок-другой поиграют в волейбол или на теннисных кортах погоняют мячик. Даже благоустройство территории Игорь Васильевич решил просто и гениально. Отложив в сторону готовую проектную планировку, просто подождал, пока сотрудники сами протопчут удобные им направления. И только потом распорядился вытоптанные дорожки заасфальтировать.

Егора Дивеева распределили в Курчатовский институт на преддипломную практику. Мягкая рабочая дисциплина, контролируемая только совестью учёного и научным результатом, пришлась ему по душе. От природы человек восторженный, он вскоре с головой ушёл в настоящую, нужную государству работу. Но произошло нечто, изменившее всю его жизнь.

Однажды утром Гоша проснулся в сильном волнении. Наскоро умылся, с трудом запихнул в себя завтрак и собрался, как всегда, идти в Курчатник, но ноги не слушались и с каждой минутой всё более наливались противной неодолимой тяжестью. «Так, давай разбираться», – он присел на табурет и стал оглядывать знакомый до царапины на обоях интерьер прихожей. Ему вдруг почудилось, что все нехитрые предметы квартирного быта смотрят на него с укоризной и не одобряют проявленную им слабость.

«А это что такое?» На полке для головных уборов, среди шапок и шляп, торчал корешок увесистой незнакомой книги.

«Ах, да, вспомнил. Мне занёс её Мишка неделю назад. „На, – сказал, – почитай, сила!“», – Гоша снял с полки книгу, – Винсент Ван Гог „Письма к брату Тео“. Ну и что?» – хмыкнул он и раскрыл книгу на произвольной странице...

Когда вечером пришла с работы мама, она натолкнулась в прихожей на Гошу, сидящего с книгой на табурете в позе Роденовского «Мыслителя».

– Егор, что ты читаешь? – поинтересовалась она, – ты ел?

– Мама, это что-то! – ответил Гоша, не отрывая глаза от чтения.

– А почему ты не ходил в институт? – мама посмотрела на ботинки, не тронутые осенней распутицей, – у тебя же сегодня коллоквиум?..

Она присела напротив Гоши и внимательно посмотрела на сына.

– Мама, – Гоша прикрыл книгу, заложив пальцем страницу, – скажи, я ведь рисовал когда-то?

– Да, Егорушка. Другие мальчики читали, гуляли, а ты – рисовал. Я не успевала переклеивать обои, ты рисовал везде и на всём. Асфальт вокруг нашего дома ты исчертил мелом так, что все соседи смеялись: «Растёт художник!»

– А потом?

– Потом, уже в пятом классе, карандаш выпал из твоих рук. Ты увлёкся музыкой, а через два года бросил музыку и влюбился в математику. Вот так.

– Да, это я помню...

Остаток вечера Гоша задумчиво бродил по квартире и перебирал старые фотографии. Мать с долей тревоги наблюдала за ним, но в разговоры не вовлекала. «Пройдёт, – думала она, – скоро диплом, он мальчик ответственный, сосредоточится».

Наутро Гоша проснулся затемно. Включил лампу и снова погрузился в чтение. Тем временем рассвело. Мама погромела на кухне и ушла на работу. Ещё почитав какое-то время, Гоша посмотрел на часы, отложил книгу, оделся и, не выпив даже чашки кофе, вышел из дома.

На соседней улице недавно открылся Художественный салон. Неделю назад его затащила туда Ленка, милая сокурсница, с которой он встречался уже второй год. «Хочу, чтобы ты выбрал мне изящный подарок!» – заявила она. Гоша припомнил, как дрогнуло его сердце, когда они проходили вдоль прилавка с красками. «Ну что ты тут застрял?» – Лена потянула его вперёд к антикварному отделу. Ей пришлось даже прилюдно поцеловать Гошу, чтобы собрать его развалившееся внимание. Никакого антиквариата они не купили, уж очень кусались цены, а когда вышли из салона, от Ленкиной болтовни у Гоши всё смешалось в голове. Он забыл льяной запах масляной краски, изящные на длинных черенках кисти и прочую художественную мелочь, которая так очаровала его в таинственном лабиринте салона!..

...Теперь же он шёл, почти бежал, к заветному прилавку. Народа в салоне было немного. Гоша подошёл к мольбертам, расставленным вокруг витрины, и тронул рукой лощёное дерево. Неожиданно он ощутил горячее жжение в глазах. Он зарылся в воротник пальто и отошёл в сторону. Через минуту вторично подошёл к прилавку и стал рассматривать тюбики с масляными красками.

– Вам что-нибудь показать? – спросила девушка-продавец смущённого Гошу.

– Я хочу написать картину. Дайте мне краски.

– А в какой технике вы работаете? – улыбнулась девушка.

– Я?.. – Гоша, как ни старался, не смог улыбнуться в ответ. – Не знаю, что со мной. В детстве я рисовал. Но прошло столько лет! Вчера захотел рисовать снова. Не смейтесь, товарищ девушка, мне не до смеха.

Девушка скрыла улыбку и стала рассказывать Гоше, какие бывают краски: одни из них разводятся водой, а для других нужны специальные растворители. Наверное, ни одну лекцию в институте Гоша не слушал так внимательно, как этот скромный художественный ликбез.

Она вручила ему набор масляных красок, изящную овальную палитру из фанеры, растворитель-пинен и немного щетинных кистей для первого знакомства с живописью. Ещё Гоша набрал разных холстов и грунтованных картонов. На мольберт денег не хватило.

– Желаю удачи! – напутствовала его девушка.

Гоша вернулся домой предельно счастливый. Мама была ещё на работе. С порога он позвонил в Курчатник приятелю и бессовестно наврал, что заболел, и чтобы его сегодня не ждали. Скинув пальто, не разуваясь, вбежал в гостиную, вывалил содержимое сумки на диван и, как скупой пушкинский рыцарь, стал разглядывать свои приобретения! Перенюхав все тюбики с краской, Гоша призадумался: что бы такое написать? На серванте заметил небольшую иконку. Мама говорила, что это была любимая икона его бабушки. «А что, ничего, простенько и со вкусом!». О том, кто изображён на иконе, Гоша не имел ни малейшего понятия. Бабушка, если что и рассказывала, так он не слушал. Мама была убеждённая комсомолка. Отец работал водолазом, вечно в разъездах. Кто он, каких мыслей был человек, Гоша так и не узнал до смерти родителя. Иконка выполняла ритуальную функцию, напоминая о доброй бабе Насте, почившей вслед за отцом год назад.

Гоша снял с серванта образ и стал внимательно его рассматривать. С картонной репродукции на него глядела Пресвятая Богородица с Божественным Сыном на коленях. Что-то похожее он уже видел, листая альбомы по европейской архитектуре. Теперь же, всматриваясь в икону, Гоша обратил внимание, что фигура и лицо Божьей Матери были написаны совсем

по-другому, чем на знакомых ему альбомных репродукциях. Эту нехитрую картонную иконку рисовал как будто ребёнок: упрощённый, по-детски непропорциональный контур, аппликативность цветовых переходов. Раньше он этого не замечал. Но странное дело. Ему хотелось нарисовать именно её, и не потому, что все альбомные Мадонны казались куда более сложными для копирования. Держать в руках бабушкину святыньку Гоше почему-то было приятно. Так будущий церковный художник из всего многообразия окружающего мира выбрал для первого живописного опыта потёртую временем икону древнего канонического письма.

Часть 2. Иди и не возвращайся!

Через год Егор защитил диплом и был принят на работу в Курчатовский институт. Игорь Сергеевич Слесарев, научный руководитель, прочил ему место в аспирантуре. Казалось, успешное будущее молодого учёного неотвратимо, как утренний восход солнца. И никто не знал о том, что имидж талантливого физика давно стал той потёмкинской деревней, за которой Гоша скрывал новый трепетный интерес к жизни.

Мама снисходительно журила сына за поздние возвращения домой. Она примечала сильное увлечение Егора рисованием, но рассуждала так: «У человека должно быть хобби. Пусть Егорушка порисует, авось, само и пройдёт». Один раз Гоша попробовал поделиться с матерью сомнениями. «Мам, может мне бросить эту физику и пойти в художники?» – спросил он за ужином. Мама обмерла, отложила еду и ответила: «Я тогда, наверное, умру». Гоша постарался обратить в шутку свой неловкий вопрос. Мама даже улыбнулась. Очень кстати задымился в духовке пригоревший пирог. Мама бросилась пирог спасать, и неприятный разговор оборвался сам собой. С того дня Гоша подобных разговоров не заводил, а на вопросы мамы отвечал: всё хорошо, в Курчатнике им довольны. Мама на время успокаивалась и не замечала, как всё более меняется её сын.

Гоша стал пропускать работу. Когда же появлялся, под первым благовидным предлогом исчезал в проходной и бежал в изостудию.

Так прошла зима. Всё разрешилось по-весеннему, само собой. Гоше предложили работу шлифовщика литографских камней в литографской студии на Масловке. Упустить такой шанс он не мог и был готов, подобно Ван Гог, заплатить любую цену из кошелька своей судьбы за возможность жить и трудиться в среде художников. То, что он, молодой перспективный учёный с высшим образованием и зарплатой сто пятьдесят рублей, переходит в разряд неквалифицированных рабочих и всего на девяносто рэ, Гошу не смущало совершенно. Его смущало другое. Как объявить об этом маме и как объяснить своё решение шефу, отеческим расположением которого он трогательно дорожил.

Разговор со Слесаревым состоялся на следующий день. Игорь Сергеевич долго, внимательно разглядывал Гошу, потом сказал: «Второй раз начинать жизнь не просто, и не каждый на это может решиться. Ну да Бог тебе судья, ступай и докажи, что ты прав».

Маме он решил пока ничего не говорить, да и что говорить – физику бросил, а художество сложится ли... Одно Гоша знал твёрдо – он поступает правильно. Трудно порой объяснить другим очевидные для тебя самого вещи. Тут-то ему и вспомнился каверзный основной закон философии, этот невероятный переход накопленного количества в качество. Переход всегда мгновенный и внешне никакой житейской логикой не объяснимый. Заговори с ним о смене профессии пару лет назад, Гоша покачал бы головой и наверняка не согласился. Но два года ежедневного рисования не прошли даром. В нём накопилось художество. Заполнив полушария ума, оно, как тесто из бадьи, вывалилось наружу. Предложи ему работу санитара в морге, чтобы иметь возможность по ночам препарировать трупы и изучать анатомию, как это тайно делал великий Микеланджело, он согласился бы и на это.

Часть 3. Ложь во спасение?

В литографской студии Гоша перезнакомился со всеми выдающимися московскими графиками того времени. Умница, верный советчик и отменный график Саша Ливанов Весёлый, хмельной и невероятно талантливый художник книги Витя Дувидов. Элегантный, с неизменной бабочкой поверх белой рубашки, дивный офортисст Слава Павлов... Сердце Гошино замирало, созерцая великолепие литографской компании. Но на созерцание нужно время, а он весь день ворочал тяжёлые литографские камни и шлифовал протравленные коллоидным раствором рисунки. Работа, скажу вам, не из лёгких! А после смены бежал в студию, рисовал или писал обнажёнку. Возвращался домой уже за полночь и рассказывал встревоженной маме о том, как он хорошо поработал... в институтской библиотеке.

«Шила в мешке не утаить» – так говорят мудрецы, по молодости лет пытавшиеся обмануть самих себя. Единственным человеком, кто знал о ненаучных похождениях Гоши, была Ленка. Она клятвенно обещала никому ничего не рассказывать и практически полностью сдержала страшную клятву, открыв Гошину тайну только своим родителям. Родители Лены видели в преуспевающем молодом физике хорошую партию для своей дочери и, узнав правду, были весьма огорчены. Отец Лены позвонил... Гошиной маме и выложил всё, как есть:

– Галина Георгиевна, дорогая, а вы знаете о том, что Егор бросил физику, ушёл в какие-то рабочие? Нам Леночка рассказала, мы так огорчены!

Это был удар. Отец звонил при дочери. Ленка рыдала, висла на руке отца, пытаясь отобрать трубку. Она поняла, что натворила непоправимое, но было уже поздно. Когда Гоша, как всегда, к полуночи вернулся домой, он застал маму неподвижно лежащей на диване почти без признаков жизни. Слава Богу, в тот раз всё обошлось. Скорая приехала быстро. Маму откачали.

Лена с неделю «валялась у Гоши в ногах», вымаливая прощение за поступок отца. И так как мама шла на поправку, Гоша, повеселев, обнял свою Ленку и примирительно поцеловал её в щёчку.

Шло время. Ни Гоша, ни мама тему новой работы в разговорах не поднимали. Сын старался во всём быть любящим и предупредительным. Мать оказывала сыну знаки материнского внимания и тепла. Но разговор назревал. Как-то вечером мама сказала:

– Сынок, поговори со мной.

– О чём, мама?

– Расскажи мне, кто ты теперь. Я постараюсь понять тебя.

Егор потупился и долго искал первые слова.

– Мама, милая, я виноват перед тобой. Я начал строить новую жизнь, а тебя с собой не позвал. Я был уверен, что ты меня не поймёшь. Я сам себя не понимаю. Знаю, что прав, что поступаю единственно верно, но это моя правда, она может не стать твоею. Наверное, если бы я сам тебе всё как-то объяснил, не было бы так тяжело. Прости, мама. «Благая ложь во спасение» не получилась.

Мама долго, не отрываясь, смотрела на сына.

– Ты говоришь мудро, это знак для меня, что ты не безрассуден, – задумчиво произнесла она, – я положила жизнь на то, чтобы тебя вырастить и выучить. Не скрою, ты лишил меня ожидаемой радости. Выходит, я, как и ты, начинаю жизнь сначала, но сил моих прежних уже нет. Я теперь не помощница, а скорее обуза тебе. Так-то, сынок.

Гоша обнял мать. Они долго сидели, прижавшись друг к другу. Наконец, мама очнулась и, глядя Гошины вихры, тихо шепнула:

– Поступай, как знаешь, сын. Я с тобой.

Часть 4. Новые времена, кто Вы?

Говорят, новобранцев-матросов учат плавать одним простым способом: их просто «вываливают» в море и командуют: «Плыви!» Иногда море штормит, и ритуал посвящения приобретает пасторально-трагический оттенок.

Что-то подобное выпало на долю Гоши, когда он (заметьте, добровольно!) прыгнул с ухоженного круизного лайнера «Академик И. В. Курчатов» в маленькую грязную комнату для шлифовки литографских камней.

Художники – люди интересные, но разные. И есть среди них не только милые Ливаны и Дувиды, но и всякая талантливо-спесивая сволочь, которая не упустит случая показать своё «творческое» превосходство над братьями по труду. Ох, как зачесались однажды у Гоши руки на одного такого чистоплюя! Сдержался. И правильно сделал. «Начинай исправлять мир с себя», – припомнил тогда Гоша любимую бабушкину фразу. А Саша Ливанов, оказавшийся свидетелем стычки, подошёл к Егору со словами: «Запоминай: Вы можете меня унижить, убить, надругаться над моим телом, но вы не можете причинить мне зла». И отошёл, полагая, что мудрость невозможно объяснить иначе, как услышать сердцем. Гоша услышал.

В один из вечеров литографская гуляла. Праздновали приём в Союз художников шестерых выпускников Суриковки. Кто-то принёс гитару. Выпили, заговорили об искусстве, ещё выпили, гитара пошла по кругу, дошла до Гоши. Поднастроив пару струн, он запел. Шумная компания притихла на первых же аккордах. Высокий потолок студии отражал гармонические переливы мягкого и глубокого голоса. Песня закончилась. С минуту в студии царил немое оцепенение. Потом все разом захлопали, закричали, бросились к Егору: «Старик, спой ещё!»...

Квартира, в которой проживал Гоша с мамой, представляла собой нормальную советскую типовую барахолку с сервантом, книжным шкафом, торшером при диване и т. д. Но вскоре всё изменилось. Прихожая, заваленная подрамниками, старыми мольбертами, разбитыми в хлам этюдниками уже не справлялась со своей основной функцией – пропускать обитателей жилища. Мама вздыхала, глядя на Гошину свалку, но молчала и даже с некоторым интересом отслеживала стремительные изменения их квартирного быта. У Гоши была хорошая мама. Она полностью подчинила себя интересам сына. И Гоша это понимал. Часть гостиной он полностью освободил от мебели. В центре стоял скульптурный станок, а в углу – вращающийся подиум для натуры. К Гоше приходили товарищи, приглашали натуру, рисовали углём, писали акварелью, маслом. Паркет был застелен оргалитом, и мама втайне надеялась, что когда-то у сына будет отдельная художественная мастерская, а она снова увидит любимый паркет, который выложил много лет назад собственноручно её отец, дед Егора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.